

ФИЛОСОФСКО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ИНТЕНЦИИ ТВОРЧЕСТВА Н. ХВЫЛЕВОГО: ВЫБОР ПРАВА ИЛИ ПРАВО ВЫБОРА

Наталья КОЗЫРЕВА,

соискатель кафедры философии

Харьковского национального педагогического университета имени Г. С. Сковороды

Summary

The article deals with national and ideological components of N. Khvylyovyi's philosophical anthropology in the context of his right to the free choice of creative literary work under the Bolshevik's regime in Ukraine in 20's – early 30-ies of XXth century. The author has found how the famous Ukrainian writer understands «romance of vitalism», which he connects with a European dimension in the development of national literature (the traditions of the so-called «psychological Europe»). His art prose is characterized by comic intentions from the beginning of his creative work to the end. Laughter essence continues to prevail in his works, even when all the literary and party critics opposed him. The period of «romantic-vitalist» ends for N. Khvylyovyi with unjust accusations of nationalism and betraying the interests of the party. N. Khvylyovyi used his own right to freedom of choice with dignity, and paid for it with his life.

Key words: philosophical anthropology, «romance of vitalism», culture of laughter, art prose, freedom of creative work, «psychological Europe», freedom of choice.

Аннотация

В статье рассматриваются национальная и идеологическая составляющие философской антропологии Н. Хвильевого в контексте его выбора права на свободную творческую литературную деятельность в условиях большевистской Украины 20-х – начала 30-х гг. XX в. Выяснено понимание известным украинским писателем «романтики витализма», которую он связывал с европейским измерением в развитии национальной художественной литературы (традициями так называемой «психологической Европы»). Его художественной прозе присущи смеховые интенции. Смеховое начало преобладало в его произведениях даже тогда, когда против него ополчилась вся литературная и партийная критика. Период «романтика-витаиста» заканчивается для Н. Хвильевого несправедливыми обвинениями в национализме и предательстве интересам партии. Н. Хвильевой достойно использовал собственное право выбора свободы, заплатив за это жизнью.

Ключевые слова: философская антропология, «романтика витализма», смеховая культура, художественная проза, свобода творчества, «психологическая Европа», право выбора.

Постановка проблемы. Философская разработка проблемы украинского литературного наследия имеет важное значение для переосмысления места и роли Украины в европейском правовом, гуманитарном и социально-экономическом пространстве, обеспечения коммуникации национальной культуры в мультикультурной среде Европы. В этом смысле исследование философско-антропологических интенций творчества Н. Хвильевого в контексте правовых традиций украинского общества приобретает особую актуальность в условиях современной модернизации всех сфер жизнедеятельности государства.

Состояние исследования проблемы. Современное украинское литературоведение проявляет значительный интерес к творчеству Н. Хвильевого (В. Агева, Ю. Безхутрый, Н. Жулинский, П. Майданченко и многие другие ученые). Неоценимый вклад в исследование так называемого «хвильевизма» внесен Ю. Лавриненко, Г. Костюком, Ю. Шерехом и другими авторами. В начале 90-х гг. XX в. появляются философские разработки творческого наследия писателя (работы В. Горского,

В. Табачковского и других ученых). Сегодня количество таких исследований постепенно возрастает, однако относительно философско-антропологических интенций литературных произведений Н. Хвильевого, условий для творчества в правовом поле Украины эта проблематика еще не находит достаточного решения среди специалистов.

Целью статьи является выявление философско-антропологических основ свободного развития украинской литературы 20–30-х гг. XX в. на примере творчества Н. Хвильевого.

Изложение основных положений. Основу «романтики витализма» в творчестве известного украинского писателя 20-х – начала 30-х гг. XX в. Н. Хвильевого составляет романтическая ирония. Ее реализация в художественной прозе писателя касается как философско-антропологических идей, так и социально-критических взглядов. Смеховая культура, романтическая ирония оказались для Н. Хвильевого «спасительными» в реалиях падения Российской империи, то есть в условиях, когда в недалеком прошлом существовал запрет украинства как такового. Феномен

смеховой культуры в «романтике витализма» еще не вполне выяснен в украинской духовной культуре, хотя имеет существенное значение для понимания природы украинского романтизма как философии и мировоззрения.

Романтическая ирония писателя наполняется критическим отношением к действительности, позволяет ему дать собственную интерпретацию «новой жизни», средствами юмора и сатиры показать истины бытия, особенности сущности и существования человека после «горожанской революции». Смех является существенной стороной человеческого бытия, полноты человеческого существования, он многомерен и парадоксален. Ирония же, в частности вольтеровская, является одним из проявлений европейской смеховой культуры, означая освобождение человека от собственной заангажированности, переход к личностной свободе.

Н. Хвильевой вполне знаком с трудами В. Ленина в отношении «свободы творчества» и «национальной политики» большевизма [6, т. 2, с. 394, 407, 411, 412, 423, 605, 673, 685, 718, 805, 811]. Поэтому в своей литературной деятельности он доверчиво ориентируется

на привлекательные идеи ленинского понимания процесса творчества народных масс в условиях развития социалистического общества, соотношения в нем новаторства и традиции, разрушительного и творческого, продуктивного и репродуктивного, старого и нового. Эти идеи касаются решения задач, связанных с необходимостью постоянного, целенаправленного формирования, воспитания, культивирования каждого члена социалистического общества в качестве человека-творца [3, т. 35, с. 61, 113, 195, 199, 269; 3, т. 16, с. 23].

Украинский писатель вполне определенно высказывается по поводу «национального момента» в литературе. Эта дилемма, по его мнению, заключается в следующем: «Будем ли мы рассматривать свое национальное искусство как служебное <...> и как вечно подсобное, вечно-резервное к тем мировым искусствам, которые достигли высокого расцвета. Или наоборот <...> найдем нужным поднимать его художественный уровень на уровень мировых шедевров». Для Н. Хвывевого «национальный момент» имеет однозначное определение: «Украинская нация несколько веков искала своего освобождения, поскольку мы расцениваем это как непобедимое ее желание выявить и исчерпать свою национальную (не националистическую) окраску. Эта же национальная окраска оказывается в культуре и в условиях свободного развития, в условиях, подобных сегодняшней ситуации, с таким же темпераментом и с такой же волей догнать другие народы, как это мы наблюдали и у римлян, что за сравнительно короткий период значительно приблизились к греческой культуре. Эта же национальная суть должна себя исчерпать и в искусстве» [6, т. 2, с. 470]. Так автор пишет в памфлете «Мысли против течения» в 1925 г., то есть в начале известной литературной дискуссии в Украине. Он верит в возможность свободы литературного творчества в условиях большевистского режима, поэтому избирает право выбора представившейся возможности свободотворчества, надеется на создание условий в «новом обществе» для реализации этого права.

Вполне понятно, что результатом любого производства в человеческой деятельности является преобразование обычного, естественного «материала»

в искусственный («вторую природу», что можно считать «производством культуры»). Однако обязательным условием этого процесса является творчество. Культура, которая вызывается к жизни человеческой деятельностью, безусловно является социально-синкретической: в ней реально существуют и элементы «истинной культуры» (в той степени, в которой сложились в деятельности элементы творчества), и антикультура, и псевдокультура, и суррогаты культуры. Культура же, порождаемая творчеством, – это социокультурный феномен, она «собирает» в себе все определения, все богатство действительности. Что касается Н. Хвывевого, то речь идет о европейском измерении (измерении «психологической Европы») [6, т. 2, с. 463].

Весомым, ключевым тезисом в оценке философско-антропологической направленности творчества Н. Хвывевого известный специалист-литературовед Ю. Шерех в статье «Хвывевой без политики» называет язык его произведений или «запах слова», принесенный украинским писателем в художественную литературу. Ю. Шерех пишет: «Сколько критиков Н. Хвывевого осмеяли себя, потому что не чувствовали запаха слова, не различали игры от жизни или, может, лучше сказать – игры в жизни от жизни без игры». Это не случайно, поскольку очень много дискуссий велось в прошлом и продолжают вестись по сей день, в частности, о том, был ли Н. Хвывевой коммунистом или националистом или предателем Украины и в какой степени [7, с. 57–58]. «Запах слова» у талантливого художника, как свидетельствует Ю. Шерех, является разнообразным относительно палитры своих возможностей: и ироничным, и мистическим (в смысле «священным»). А это уже высшая похвала настоящему мастеру слова.

Ю. Шерех считает, что за 20 лет после смерти Н. Хвывевого украинская литература полностью потеряла «способность чувствовать и воспроизводить запах слова», поскольку слова для нее подбирала (или «кучила» подбирать) официальная марксистская философия, то есть они были для литературы или «ширмой от жизни» («загоризонтный коммунизм»), или «отражением жизни» («социалистический

реализм»). «Ароматы слова» Н. Хвывевого несут в себе неповторимый дух художественного произведения, пробуждают у читателя собственные чувства и представления, зовут к размышлениям, возбуждают к напряженному осмыслению человеческого бытия. Настоящий талант писателя заключается в том, что спрятанное в «запаховые слова» предстает перед нами во всей своей глубине, передавая сокровенное человеческое в мире человеческого. Верным посланником из прошлого в настоящее и из настоящего в будущее является только живое, «пахнущее» слово как «тайник мудрости», слово, благодаря которому не «теряется» человеческий опыт. По мнению Ю. Шереха, слово Н. Хвывевого впитывает в себя дух нравственных сущностей и мощно воздействует на читателя, ведь касается оно как струн человеческого сердца, так и самых сокровенных глубин души человека. Н. Хвывевой смог запечатлеть «вечночеловеческие темы» в будничных и небудничных вещах, оставив для потомков свои литературные шедевры.

Бесспорно, Н. Хвывевому не мог нравиться предложенный И. Сталиным еще при жизни В. Ленина [3, т. 45, с. 360] план «автономизации» – сведения самостоятельных советских республик до уровня автономных и включения их в состав РСФСР. Однако именно этот план, как свидетельствует реальная практика, де-факто начал внедряться в жизнь.

И. Сталину также не понравился Н. Хвывевой своей ориентацией в развитии украинской литературы не на Москву («рассадник мещанства»), а на «психологическую Европу». Однако даже письмо И. Сталина секретарю ЦК КП(б)У Л. Кагановичу как «высочайший приговор крайностям коммуниста Н. Хвывевого» мало подействовало на писателя. Он выступил публично с самокритикой, как принято было это делать в коммунистических рядах на протяжении всех лет «социалистического» прошлого Украины [6, т. 1, с. 632; 6, т. 2, с. 600–602]. Смеховое начало продолжает господствовать в его художественных произведениях, несмотря на то, что против него ополчилась вся литературная и партийная критика. Период «романтика-витаиста» заканчивается для Н. Хвывевого несправедливыми обвинениями в национализме и предательстве интересов партии.

Оправдаться по безосновательным обвинениям было невозможно. Голоса Н. Хвильевого не хотели слышать руководители государства. В этих условиях талантливый художник слова остается романтиком, но уже «обреченным романтиком». С одной стороны, он умело использует смех как средство самозащиты (шутливо-иронический стиль его отдельных новелл), а с другой – обнаруживает черты от природы наделенного юмором человека.

В это время его проза пронизана острой сатирой, трагикомическими мотивами и карикатурой на «партийное мещанство» (повесть «Иван Иванович», рассказ «Ревизор» и другие). Так, повесть «Иван Иванович» напечатана в № 7 журнала «Литературная ярмарка» в 1929 г., то есть в то время, когда Н. Хвильевой уже в полной мере ощутил силу «пресса» «партийной критики» как основоположник «хвильевизма», «рупор украинского фашизма» [6, т. 1, с. 640]. «Недаром я думаю бежать за границу», – написано писателем в марте 1926 г. и взято в кавычки. А за рубежом он побывал на лечении с декабря 1927 г. по март 1928 г. (письма к А. Любченко [6, т. 2, с. 575, 882–884]), но оставаться там не собирался. Уже состоялись первые репрессии против украинской интеллигенции (в 1924 г. судебный процесс над так называемым «Центром действия» в Киеве, на котором обвинили 18 человек в «шпионаже» и «государственной измене», процесс над специалистами Кадиевского рудоуправления в Харькове; в 1925 г. процесс над специалистами Днепровского завода; в марте 1930 г. (то есть еще при жизни писателя) процесс над участниками Союза освобождения Украины (СВУ) и так далее [1]). «Иду», – так заканчивает писатель свой рассказ «Арабески» в 1927 г. Его шествие по жизни продолжается, несмотря ни на какие трудности, однако «походка этого шествия», на наш взгляд, является «походкой» «обреченного романтика», ведь от своей «романтики витаизма» он не отказывается [6, т. 1, с. 639–641].

Настоящее литературное творчество возможно только в свободном демократическом обществе или обществе устойчивого развития, где для этого существуют необходимые предпосылки: свобода человека и гражданина.

Однако, если следовать Ф. Ницше, способность быть свободным – это исключительное качество, которое даровано далеко не всем. Так, в своей работе «Сумерки идолов» философ утверждает (и с этим нельзя не согласиться), что свобода – это способность человека к собственной ответственности. Человек, ставший свободным, а в гораздо большей степени ум, ставший свободным, «топчет ногами тот позорный вид благоденствия, о котором мечтают мелочные лавочники» [5, т. 2, с. 614–615].

Удивительным для обыденного здравого смысла или рассудочного мышления является то, что внутренняя необходимость общественной субстанции заключается в обязанности свободной воли субъективности. В то время, когда каждое человеческое «Я» считает, что работает исключительно на себя и для себя, для удовлетворения только своих личных потребностей, «себя-и-для-себя» осуществления (в «сродном труде» согласно терминологии Г.С. Сковороды), на самом деле такой подход поворачивается совсем другим боком: стремясь достичь собственных целей, «Я» реализует цели других. «Я» становится достойным других «Я», когда оно исходит из «Я-Я» к осуществлению «себя-и-для-себя» в усилие воления, самоосуществляясь в событие, и только так проявляет заботу о других. То есть во всем, что человек делает для себя, он способствует реализации целей других таким образом, что и цели других обуславливают благо для него. Каждое конкретное человеческое «Я» имеет долг перед другими «Я» свободную творческую деятельность исключительно для себя [2, с. 227].

Вместе с тем самореализация человеческого «Я» к истинной субъективности как достоинства полностью зависит от собственного усилия «Я». Способствовать или не способствовать этому может общественная субстанция, которой является государство. Люди вынуждены действовать согласно государственному велению, его порядку, сохраняя требуемое законом и понятное для всех поведение, что является внешней необходимостью. Обычный человек подчиняется законам права, иначе он никогда не сможет достичь своих собственных целей, которые только и имеют значение для

него; соответствие поведения человеческого «Я» правовым нормам служит для него единственным средством осуществления собственных целей в правовом государстве. Поскольку законы права являются чем-то внешним для человека, ему часто приходится искать правовые пути для осуществления своих целей, даже временно отказываясь от них; естественно, что в своей сущности общественное никогда не является собственной целью человека, его волей. Однако именно особенное, субъективное «Я» способно возвышаться к форме всеобщности благодаря своей свободной деятельности [2, с. 228].

Свобода, таким образом, является необходимым условием человеческого существования, человеческой жизнедеятельности. Только через свободу, через творческую реализацию в мире человек становится человеком, или, как сказал бы М. Хайдеггер, «происходит» личностью. Перефразируя слова французского специалиста в области политической философии П. Манана, современную художественную литературу вполне можно назвать «ребенком демократии», поскольку в отличие от предыдущих исторических эпох, где человек противостоял богам или другому человеку, сегодня ее главными действующими лицами являются индивид и общество [4]. Философская антропология в литературе рассматривает свободу как онтологическую данность, побуждая человека к выбору своего собственного жизненного проекта творческого освоения мира.

Н. Хвильевой достойно использует собственное право выбора свободы и личной ответственности, заплатив за это жизнью 13 мая 1933 г.

Выводы. Проведенный анализ в определенной степени позволяет, на наш взгляд, дать более-менее утвердительные ответы на отдельные очень важные вопросы, а именно: в чем состоит «загадка Хвильевого», которая продолжает волновать современных исследователей его творчества, а также причины его смерти. И. Ньютон, как известно, был верующим человеком, как и Н. Хвильевой «большевиком», но он дал человечеству классическую механику, или, говоря словами Н. Хвильевого, «связывал мировой порядок» [6, т. 2, с. 614]. Философская антропология в творчестве Н. Хвильевого осно-

вывається на європейській гуманітарній мислі, на досягненнях мирової та української літератури.

Полученные результаты могут способствовать также целостному осмыслению процесса развития украинской культуры, ее взаимодействия с культурами других народов Центральной и Восточной Европы, более глубокому пониманию творчества украинских писателей первой трети XX в., их вклада в сокровищницу культуры и философии романтизма.

Список использованной литературы:

1. Історія філософії України: хрестоматія : [навч. посібник] / упор. : М. Тарасенко, М. Русин, А. Бичко та ін. – К. : Либідь, 1993. – 560 с.
2. Корженко В. Філософія виховання: зміна орієнтацій : [монографія] / В. Корженко. – К. : Вид-во УАДУ, 1998. – 304 с.
3. Ленин В. Полное собрание сочинений : в 55 т. / В. Ленин. – 5-е изд. – М. : Изд-во политической литературы, 1965–1975.
4. Манан П. Доступний виклад політичної філософії / П. Манан ; пер. з фр. С. Йосипенка. – К. : Український Центр духовної культури, 2009. – 440 с.
5. Ницше Ф. Сочинения : в 2 т. / Ф. Ницше ; сост. ред. и авт. примеч. К.А. Свасьяна. – пер. с нем. – М. : Мысль, 1996– . – Т. 1. – 1996. – 829 с. ; Ницше Ф. Сочинения : в 2 т. / Ф. Ницше ; сост. ред. и авт. примеч. К.А. Свасьяна. – пер. с нем. – М. : Мысль, 1996– . – Т. 2. – 1996. – 830 с.
6. Хвильовий М. Твори : у 2 т. / М. Хвильовий ; ред. М. Жулинського, П. Майданченка. – К. : Дніпро, 1990– . – Т. 1 : Поезія. Оповідання. Новели. Повісті. – 1990. – 650 с. ; Хвильовий М. Твори : у 2 т. / М. Хвильовий ; ред. М. Жулинського, П. Майданченка. – К. : Дніпро, 1990– . – Т. 2 : Поезія. Оповідання. Новели. Повісті. – 1990. – 925 с.
7. Шерех Ю. Хвильовий без політики / Ю. Шерех / Шерех Ю. Пороги і Запоріжжя: література, мистецтво, ідеології : у 3 т. / Ю. Шерех ; за ред. В. Шевчука та ін. – Х. : Фоліо, 1998– . – Т. 1. – 1998. – С. 57–68.

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ СТАНДАРТЫ ЗАЩИТЫ ЖИВОТНЫХ В ДОКУМЕНТАХ ЛИГИ НАЦИЙ

Ирина КОРОБКО,

соискатель кафедры международного права
Института международных отношений
Киевского национального университета имени Тараса Шевченко

Summary

The article deals with international law pieces on the animal protection and welfare enshrined in the documents of the League of Nations. Also it has traced the role and influence of the League at work on the formation of international legal standards for the animal protection and welfare through the formation of the Office International des Epizooties – the intergovernmental organization which is responsible for the international cooperation and development of international legal standards in the field of animal welfare nowadays.

Key words: League of Nations, Office International des Epizooties, animal protection, animal welfare, international law.

Аннотация

В статье анализируются международно-правовые нормы в сфере защиты и благополучия домашних животных, закрепленные в документах Лиги Наций. Также прослеживается роль и влияние Лиги Наций на работу по формированию международно-правовых стандартов в сфере защиты и благополучия животных через создание Международного эпизоотического бюро – межправительственной организации, которая сегодня организует международное сотрудничество по разработке международно-правовых стандартов в указанной сфере.

Ключевые слова: Лига Наций, Международное эпизоотическое бюро, защита животных, благополучие животных, международное право.

Постановка проблемы. В деятельности Лиги Наций по кодификации и прогрессивному развитию международного права была заложена основа некоторых современных международно-правовых режимов через разработку и принятие универсальных конвенций по целому ряду вопросов, представляющих взаимный интерес для государств в период между двумя мировыми войнами. Именно Лига Наций стала форумом для разработки и подписания многосторонних, а порой и универсальных международно-правовых инструментов, содержащих важные для государств международно-правовые нормы универсального характера. Более того, в рамках Лиги Наций предусматривался уникальный на то время механизм контроля имплементации разработанных договоров и решения споров по их реализации посредством учреждения и работы Постоянной палаты международного правосудия [1]. Не обошла стороной Лига Наций также вопрос о благополучии домашних животных, заложив основу многосторонней работы международного гражданского

общества по разработке и принятию целого ряда важнейших универсальных документов в этой сфере, в частности, кампании за принятие ООН Всеобщей декларации благополучия животных [2].

Актуальность проблемы. В 2014 году было подписано Соглашение об ассоциации между Европейским Союзом и Украиной [3], что поставило перед украинским государством определенные задачи, в частности, по гармонизации украинского законодательства с европейскими нормами и европейскими международно-правовыми стандартами, которые в значительной мере были сформированы в своих истоках и нашли отражение в ряде международно-правовых конвенций, принятых под эгидой Лиги Наций.

Состояние исследования. Изучением темы защиты животных, необходимостью наделения их правами уже много лет занимаются как зарубежные, так и отечественные ученые. Среди современных отечественных юристов-международников вопросы защиты животных в контексте международного права освещены в работах